

Золотое фэнтези

ЕКАТЕРИНА САВИНА

Изгоняющая тьму

Охотница на ведьм

Екатерина Ивановна Савина
Изгоняющая тьму
Серия «Охотница на ведьм», книга 3

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=170837

Изгоняющая тьму:

Аннотация

Экстрасенсорные способности, оказывается, могут очень осложнить жизнь. В этом убеждается Ольга Калинова. Поединок с опасным колдуном, древнее божество, вдруг вырвавшееся наружу после многовекового сна, ежесекундный смертельный кошмар – все это придется пережить героине, чтобы уберечь себя и своих близких.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	19
Глава 3	43
Глава 4	64
Конец ознакомительного фрагмента.	76

Екатерина Савина

Изгоняющая тьму

Глава 1

Обезьяну связали и просунули в небольшое круглое отверстие в центре стола. Хотя тщедушное тельце зверька отчаянно извивалось, стол не шелохнулся ни разу – очевидно, его ножки были прикручены к полу.

Через несколько минут, когда обезьяна почти совершенно перестала трепыхаться, ее голову закрепили в отверстии так, что над поверхностью стола торчал лишь ее тщательно выбритый череп, очень похожий на чисто вымытое страусиное яйцо.

Китайцы расселись вокруг стола. Мне указали место рядом с узкоглазым толстяком, который из-за длинных тонких усиков на круглом лице, очень был похож на перекормленного кота.

Толстый китаец, не отрываясь, смотрел на череп обезьяны и шумно дышал, беспрестанно облизываясь.

Подбежавший официант принес пять серебряных молоточков, ручки которых показались мне чересчур длинными. Китайцы мгновенно разобрали молоточки, оставив на столе один – надо думать, для меня.

Я взяла в руки молоточек. Он оказался неожиданно тяжелым. А выглядел таким изящным, будто совсем ничего не весил.

Китайцы переглядывались друг с другом, поигрывая своими молоточками в маленьких желтых, будто слепленных из воска пальцах.

Обезьяна, словно почуяв недоброе, снова заверещала. Крик ее был настолько пронзителен, что заставил меня поморщиться.

Тогда толстый китаец, сидевший рядом со мной, наклонил круглую голову, будто прислушиваясь к чьему-то сигналу, и, вдруг хищно оскалившись, размахнулся и с силой хватил своим молоточком по голому обезьяньему черепу.

Брызнула кровь. Несчастливая обезьяна что-то пропищала, прощаясь с обошедшимся с ней так жестоко миром и смолкла навсегда.

Китайцы дружно замолотили своими молоточками, раскалывая убитого череп зверька на куски. Мне стало дурно. настолько, что лишь невероятным усилием воли я смогла удержаться от приступа тошноты.

Я закрыла глаза.

А когда вновь открыла их, увидела, как китайцы откуда-то появившимися в их руках ложками, ели дымящиеся обезьяньи мозги, откровенно жмурясь от удовольствия. Толстый китаец, мой сосед, аппетитно причмокивал и мерно покачивал головой после каждой отправленной в рот порции.

Мой желудок снова стиснули спазмы, я опять крепко зажмурилась и открыла глаза только тогда, когда мертвая обезьяна непонятно каким образом выбравшаяся из своего заточения, схватила меня за руку.

Окровавленная мордочка перекосилась, из пустых белых глаз, расширившихся – вероятно, от безумной боли – до невероятных размеров, бежали крупные слезы, а пасть судорожно покривившись, приоткрылась, будто обезьянка хотела сказать мне что-то чрезвычайно важное.

Вот тогда я вскочила из-за стола и закричала.

* * *

– Ужас какой, – передернула плечами Даша, – представляю, что было бы, если б я такой сон увидела. Я наверное вообще не проснулась.

Васик громко хмыкнул и отхлебнул из плоской бутылочки, которую прятал во внутреннем кармане своего пиджака.

– Да чего там... – зевнув, проговорил он, – подумаешь, обезьяна... Я вот раз бухал на стройке с одним прорабом... На пятом этаже строящегося здания. Напоролись мы, а прораб еще за одним пузырем пошел... – Васик вдруг притих и печально качнул головой.

– Ну и что дальше? – поинтересовалась Даша. – Свалился с пятого этажа и разбил голову?

– Кто? – недоуменно глянул на нее Васик.

– Прораб, с которым ты... На пятом этаже.

Васик пожал плечами.

– Ничего подобного, – проговорил он, – он по лестнице спустился. И ушел. И больше я его не видел.

– Очень страшная история, – заметила Даша, – ни к селу, ни к городу... При чем здесь прораб?

– А при том, что он у меня столыжник уволок, – объяснил Васик, – по-твоему, это как называется?

Я прокашлялась. В сон меня больше не клонило. Да и после этого кошмарного сновидения, мне вообще не хотелось закрывать глаза. Самолет, в салоне которого мы находились, шел ровно – и только по едва заметной вибрации, да по стелющимся за стеклом иллюминатора белесым облакам, можно было догадаться, что мы не стоим на месте, а перемещаемся в пространстве – с огромной скоростью и на невероятной высоте.

– А сон в руку! – засмеялся вдруг Васик.

Я даже вздрогнула.

– То есть? – переспросила Даша.

– Мы летим-то куда? – задал вопрос Васик.

– В Гонконг, – ответила я, – то есть, в Китай.

– Во! – одобрил Васик. – Правильно! Мы летим в Китай, а тебе, Оля, сон приснился на китайскую тему... про китайцев и китайскую обезьяну.

– Гадость, – поморщилась Даша, – мне, кстати говоря, с самого начала вся эта затея с отдыхом в Китае – не понравив-

лась, – добавила она, – неужели мало курортов в мире? Какие-нибудь солнечные острова – Канары, Багамы... Там, где отдыхают все нормальные люди. Ну, Ялта, на худой конец Крым. А мы зачем-то в Китай полетели. Твоя, Васик, идея-то была...

– Моя, – подтвердил Васик, обеими руками взлохматив гриву своих длинных нечесаных волос, – и не только, между прочим, идея. Кто ж виноват, что у папаши моего сорвалась деловая поездка в Гонконг? Что теперь – пропадать билетам? И гостиница первого класса – оплачено две недели проживания. Получается, на халяву едем. Все по исключительно высокому разряду, а платить ничего не нужно.

Васик потянулся и счастливо рассмеялся.

– Какой ты стал бережливый, – усмехнулась и Даша, – в жизни ни дня не проработал, только на шее у своего крутого папаши сидишь и денежки с него тянешь. Бездельник. И что меня больше всего удивляет, тебе никогда ни капли стыдно не было, за то, что... Ведь сидишь на шее?

– Сижу, – невозмутимо согласился Васик, – тем более, мне деньги нужно экономить.

– Логика... – неопределенно высказалась Даша и повернулась ко мне. – Слышишь, Оль, его рассуждения.

Я кивнула и открыла рот, но сказать ничего не успела.

– Да чего вы ко мне пристали-то? – возмутился наконец Васик. – Вот еще. Надо было мне поменяться с кем-нибудь местом... Сижу вот между вами, как...

– Ладно, – сказала я, – лететь-то осталось – часа полтора – не больше.

* * *

Зал Гонконгского аэропорта был тесен и многолюден, как московское метро в час пик. Нам едва удалось выбраться наружу. Если бы не надписи на английском языке, мы бы, наверное, плутали здесь, толкаясь в потные китайские спины, еще очень долго.

– Какое все здесь... – с неопределенной интонацией произнес Васик.

– Какое, – спросила Даша.

– Маленькое, – сформулировал, наконец, Васик, – ненастоящее. Как игрушечное. И дома, и люди. Даже машины – приземистые. Не то что в Москве.

Он усмехнулся и, гордо расправив плечи, выпрямился во весь свой немалый рост.

– Это тебе кажется, – сказала я, – ты же вон какой длинный. А дома и люди обыкновенные. Ну, может быть, чуть пониже, чем в Москве. Кстати, ты знаешь, куда нам направляться?

– Нет, – признался Васик, – вообще-то, нас встретить должны. На лимузине.

Он сделал несколько шагов и остановился у проезжей части, по которой медленно проплывали сверкающие автомо-

били. И заозирался.

– Ну и где же наш лимузин?

Мы с Дашей пожали плечами.

– Нормально, – хмыкнул Васик, – если лимузина нет, то, может, мы прокатимся на этих... как их... гейшах?

– Что? – в один голос воскликнули мы с Дашей.

– На гейшах, – повторил Васик, – или как их там – рикшах.

– Ты бы еще паланкин попросил, – вздохнула Даша, – как гостиница-то называется?

Васик напрягся.

– Ху... ху... жо... – забормотал он, – помню, что что-то не совсем приличное, – ху... ху... Ага, вспомнил – Хуньжоу!

– Точно? – спросила я на всякий случай.

Васик утвердительно кивнул.

– Тогда все в порядке, – проговорила Даша, – если ты название гостиницы помнишь. Давайте прогуляемся по Гонконгу. Если что – дорогу спросим у прохожих. В Китае же понимают английский язык.

– Понимают, – повеселев, отозвался Васик, – конечно, понимают. Это же язык межнационального общения.

– А я немного знаю китайский, – неожиданно заявила я, – вернее, могу понимать, что мне говорят. Если очень постараться.

Васик и Даша вытаращили на меня глаза.

– Вот это новости, – проговорила Даша наконец, – никогда не слышала о том, что ты изучала китайский.

– А я и не изучала, – сказала я, – просто дело в том, что...

– Ну да! – усмехнулся Васик, – просто дело в том, что наша Оленька кому угодно в мозги залезть может. Она же у нас экстрасенс.

Я кивнула. Я действительно обладала исключительными экстрасенсорными способностями, доставшимися мне в наследство от моей прабабушки, которую на деревне, где она жила, называли ведьмой... Ведуньей ее называли.

Мой дар позволяет мне видеть образы в сознании собеседника, проникать в его подсознание и тем самым – узнавать его намерения и просчитывать ходы – и вовсе не важно, на каком языке мой собеседник разговаривает.

Экстрасенсорными способностями обладала и моя сестра-близнец. Это она помогла мне раскрыть в себе неведомую доселе силу. Сейчас Наталья мертва. А человек, погубивший ее, и, кстати, когда-то обнаруживший в ней самой экстрасенсорный талант и развивший его, все еще жив.

Дважды я пыталась добраться до убийцы моей сестры, дважды он, проигрывая поединок, ускользал. Но убить его мне не удавалось. И совершенно точно я знаю, что он жив и где-то – в какой-то точке земного шара набирает силы для окончательной битвы.

Его зовут Захар. Он – единственный мой настоящий заклятый враг. Смертельный враг. И он не успокоится, пока не убьет меня. А я не успокоюсь, пока не доберусь до него.

Сколько мне еще предстоит жить в ожидании последней

– решающей – битвы?

* * *

– Вон! – заорал вдруг Васик, ткнув куда-то в сторону своим длинным костистым пальцем, – вон тот узкоглазый, кажется, шофер лимузина. Его послали нас встречать, а он, падла, опоздал...

Я оглянулась. Никакого лимузина поблизости не было, но зато я заметила старого китайца в лиловом национальном костюме. Старик-китаец пробирался сквозь толпу, спеша и делая нам какие-то непонятные знаки.

– Я же говорил! – победоносно заявил Васик. – За нами лимузин прислали!

– Но лимузина-то нет, – несколько раз оглянувшись по сторонам, заметила Даша.

– Нет, – согласился Васик, – так, может быть, тут парковаться нельзя? Может, он за углом остановился. А тут вон – одни такси стоят.

Старый китаец, добравшись, наконец, до нас, остановился напротив Васи́ка. В руках китайца я заметила большую черную сумку.

– Ого! – усмехнулся Васик, – знают, черти, кто тут главный! Номера-то в гостиницу на мое имя забронированы!

Старик, с ног до головы оглядев Васи́ка, залопотал что-то на своем языке.

– Переводи, – обратился ко мне Васик, – ни слова не понимаю. Как будто лягушка квакает.

Я тронула китайца за плечо. Он не обратил на меня ни малейшего внимания. Зато, вдруг резко дернувшись в сторону Васика, китаец что-то гортанно выкрикнул. Васик клацнул худой челюстью – в руках у китайца каким-то чудом оказалась наполовину опорожненная бутылочка виски – та самая, к которой Васик прикладывался последние два часа полета в самолете.

Васик хлопнул себя ладонью по опустевшему карману пиджака. Даша рассмеялась:

– Ловко! – оценила она. – Это, наверное, китайский мент. Сейчас посадит тебя в китайский обезьянник. За распитие спиртных напитков в общественном месте.

– Да нет, – тут же подхватила я, – это, скорее всего, китайский бомж. Для мента он хлипкий очень. Это китайский бомж, он выпить хочет.

Старик-китаец снова что-то залопотал, сухим маленьким пальчиком тыча то в бутылку, то Васику в грудь. Сумку свою китаец поставил к ногам.

Васик с минуту, примерно, слушал китайскую болтовню, затем, мгновенно побагровев, вцепился в свою бутылочку. Однако, пальцы старика оказались на удивление крепкими. После нескольких безуспешных попыток вырвать бутылку из рук старика, Васик на весь аэропорт проревел диким голосом сакраментальное русское ругательство и снова отчаянно

рванул бутылку.

Старик-китаец на этот раз легко разжал руки – и Васик грохнулся на задницу. Потом неторопливо поднялся, аккуратно отряхнул брюки и спрятал отвоеванную бутылку обратно во внутренний карман пиджака.

Успокоился он так же неожиданно, как и взбесился.

– Козел старый, – уже совсем беззлобно адресовал он китайцу.

Тот мелко посмеялся и проговорил несколько непонятных слов.

– Да чего ему надо? – снова обратился ко мне Васик. – Скажи ему, пусть валит отсюда. А то я сейчас ему так впаяю, уроду.

– Простите, – сказала я китайцу, – мой друг нервничает. Вы бы не могли объяснить...

Китаец обернулся ко мне и заговорил, быстро-быстро сыпя никому ненужными, кроме него самого, непонятными словами.

Я закрыла глаза и сосредоточилась. Надо сказать, проникнуть в подсознание старого китайца мне не удалось – я с трудом могла идентифицировать лишь образы, роящиеся на самой поверхности его сознания.

– Ну, – почему-то шепотом спросил меня Васик, – поняла что-нибудь?

– Поняла, – проговорила я.

Еще несколько секунд я приводила в порядок мысли, ко-

которые мне удалось выудить из сознания китайца, а потом заговорила снова:

– Этот старик – здешний аптекарь, – переключивала я китайские образы на русские слова, – то есть не аптекарь, а как бы это... знахарь... Он просто физически чувствует, когда человек нуждается в его помощи и спешит эту самую помощь предложить.

– Интересно, – перебил меня Васик, – с чего это он взял, что я нуждаюсь в чьей-либо помощи?

– Ты потребляешь слишком много алкоголя, – продолжала переводить я, – по китайским меркам систематическое употребление такого объема спиртных напитков вообще смертельно.

– Нормально, – отреагировал Васик, – как это – смертельно? Я же не бухаю по-черному, я так... Чисто – иногда прикладываюсь – для поддержания настроения. И потом... Может быть, меня в самолете укачивает?

– Короче говоря, – резюмировала я, – этот добрый человек избавляет от влечения к алкоголю. Он тебе в этом поможет. Естественно, за умеренную плату.

– До-ляр, – вдруг произнес китаец и скроил умильную физиономию.

Васик пристально посмотрел сначала на китайца, потом на меня – и внезапно разразился громовым хохотом.

Китаец поднял тонкие, словно нарисованные, брови. – Не надо, – отсмеявшись, молвил Васик, – Найд!

Ольга, скажи ему, пусть катится к своей китайской чертовой матери. Как же я без бухла бухать буду? А жить как? Через два дня повешусь! До свиданья, папаша! – заорал он в лицо старику. – Арриведерчи! Помощь не требуется!

– А зря, – высказалась Даша, – я, Василий, на твоём месте попробовала бы отказаться от спиртного. Хотя вряд ли это у тебя получится... Но попытка – не пытка, как говорится. Верно, Оля?

– Полностью с тобой согласна, – кивнула я.

Китаец, видимо, решив, что кивком я дала согласие на лечение Васика, принялся делать какие-то пассы, замысловато вращая кистями коричневых рук в районе Васикова живота. Васик, тряхнув нечесаной гривой, резво отскочил в сторону.

– Держите его за руки! – испуганно заорал он. – А то эта китайская обезьяна меня чего доброго и вправду закодирует! Держите его за руки, говорю, а то я за себя на отвечаю!

Китаец продолжал свои пассы, не обращая никакого внимания на крики Васика.

Васик затравленно оглянулся по сторонам, будто готовясь в любую секунду удариться в бегство, но китаец, видимо, уже закончил. Он гортанно вскрикнул, в последний раз взмахнул руками и наконец почтительно поклонился.

Васик облегченно выдохнул.

Старик-китаец снова обернулся ко мне и показал на пальцах – «десять». Потом подумал и добавил на словах:

– До-ляр.

– Отсчитай ему, – сказала я Васику, – десять баксов.

– Что?! – возмущенно воскликнул Васик. – Да, может быть, он меня на всю жизнь искалечил! А я ему за это еще и платить должен. Хрена лысого!

– Если он тебя и на самом деле от пьянства вылечил, – высказалась Даша, – то я на такое дело и сотни баксов не пожалею.

Она вытащила из сумочки десятидолларовую купюру и подала ее старику. Тот мгновенно просиял и, снова поклонившись, стал пятиться назад. Скоро он и вовсе исчез, смешавшись с разношерстной вокзальной толпой.

Васик почесал в затылке.

– Дурдом, – сказал он, – хорошо, что у нас в России подобного рода целители не набрасываются на тебя на улицах. Скорее всего, этот старый китайский сукин сын – шарлатан, – подумав, добавил он, – настоящие знахари в кабинетах сидят, и за сеанс берут не десять баксов, а много больше – обычно такие товарищи бабки лопатой гребут.

«Действительно, странно, – подумала я, – десять долларов за такую услугу... Да еще и – на добровольных началах, как говорится».

– Ого! – прервало мои мысли восклицание Даши. – А вот к нам еще какой-то китаец бежит. Тоже руками размахивает. Интересно, от чего он лечит? Прямо не аэропорт, а поликлиника какая-то.

Я оглянулась. К нам, бесцеремонно расталкивая на хо-

ду прохожих, спешил немолодой китаец. Больше всего меня удивило то, что он был одет в классический английский смокинг – даже белые перчатки были на его руках, вот только тросточки с золотым набалдашником в виде собачьей головы, я не заметила... Впрочем, спешащие по своим делам люди на улице не обращали на странного китайца никакого внимания.

– Русси! Русси! – залопотал китаец, подбежав к нам.

Васик неприязненно покосился на него и отступил на шаг.

– Руками размахивает тоже, – проворчал он, – развелось психов. Этому-то чего надо? – спросил он у меня.

Я не успела ответить.

– Извиняется за опоздание! – рассмеявшись, объяснила Даша. – Это я и без словаря перевести могу. Посмотрите-ка!

Мы с Васиком обернулись туда, куда указала нам Даша – и увидели длинный белый лимузин, припаркованный на стоянке такси.

– И как это я не заметил, как такое чудо подъехало? – расплылся в улыбке Васик.

Глава 2

Николай Николаевич подошел к широко распахнутому окну и закурил сотую, наверное, за сегодняшний день сигарету. Хотя кондиционер в его офисе работал на полную катушку, под высоким потолком все-таки колыхались тугие струи табачного дыма – Николай Николаевич курил, не переставая.

– Черт знает, что происходит, – пробормотал он, выдыхая облако дыма и немедленно затягиваясь снова, – не нравится, когда вот так... Когда обстоятельства мешают мне. Тем более, такие странные обстоятельства, как сейчас. Сорвалась поездка в Гонконг. Пришлось отправить туда своего сына. Чего ему зря в Москве болтаться.

На столе зазвонил телефон. Николай Николаевич снял трубку. Конечно, это была секретарша – никто другой не мог позвонить напрямую в кабинет. Еще бы – Николай Николаевич считался одним из самых влиятельных в Москве бизнесменов. Да что там – в Москве – во всей стране.

– Совещание, Николай Николаевич, – напомнила секретарша, – все уже собрались и ждут вас.

Николай Николаевич медлил, ничего не отвечая.

– Звонила ваша жена, – продолжала секретарша, – из Австрии. Просила подтвердить перевод денег...

Николай Николаевич поморщился.

– Передай ей, Зиночка, что я сам перезвоню, – сказал он, – прямо сейчас. А совещание перенеси на час... Нет, на два часа. У меня пока неотложное дело. Пусть еще подождут.

Положив трубку, он достал из кармана сотовый телефон и набрал код Австрии.

«Подтвердить перевод денег, – подумал он про свою жену, – конечно, Светлана удивлена, что я вложил столько средств в эту банковскую операцию. Рискованное дело, но в случае успеха сулит просто баснословные барыши. А дела моих фирм сейчас идут не так хорошо, как хотелось бы. И этот новый мой партнер, который и предложил проверить операцию... Безусловно, он деловой человек, и план, который он разработал, умен, хотя, как я уже упоминал, несколько рискован. Но барыши...»

– Светлана? – проговорил он в трубку, когда раздалось взволнованное «Алло», – это я.

Минуту Николай Николаевич слушал, морща лоб, все время порываясь вставить слово и сказал:

– Погоди, погоди, я все объясню, – когда, наконец, ему удалось вклиниться между бесконечными восклицаниями его супруги, – я вовсе не сошел с ума... Да, я знаю, что сейчас подвергать опасность такие суммы не совсем разумно, но подумай сама – в случае успеха мы разом поправим все наши дела... Что-что?

Он замолчал еще на минуту.

– Непонятно, почему мой новый партнер не внушает те-

бе доверия, – заговорил он снова, – очень приличный молодой человек. Умный, если судить по тому плану, что он мне предложил. Да, я знаю, что в при провале операции он ничем не рискует, а рискую я, поскольку все необходимые средства предоставляю я, но ведь... План действительно достаточно остроумен. Все рассчитано, а элемент опасность присутствует в каждом деле, где фигурирует более или менее крупная сумма... Да! – Николай Николаевич повысил голос. – Я требую, чтобы ты завершила перевод от моего имени. В конце концов это мои деньги и мне решать... Да!

Николай Николаевич снова замолчал.

– Да, я помню, про тот случай три года назад, – продолжал он, – когда меня кинули. Но это было... это было другое дело. Тогда я повел себя неосмотрительно и простить себе этого не могу до сих пор. Как я искал того, кто меня подставил на деньги. Но его, видимо, очень хорошо спрятали. Судя по всему – за границей – я его так и не нашел. Но случившееся послужило мне хорошим уроком. Теперь, чтобы предпринять какой-то серьезный шаг, я десять раз проверю своих партнеров. Вот и сейчас – я дал задание Ковалеву... Ты же знаешь Ковалева?.. Он проверят этого моего нового партнера Якова Семеновича. Рекомендательные письма у него в порядке и все бумаги тоже... Что? Конечно, я проверю его по полной программе. Ковалев сейчас как раз этим и занимается. Что? Скоро у меня будет вся информация о Якове Семеновиче. Что?.. Вторую часть денег я переведу только после

того, как получу эти сведения от Ковалева. Я бы и первую не переводил, но время не ждет. Могу серьезно потерять в прибыли... Как ты говоришь?

– ...

– Нет, Васик не звонил, – сказал он после паузы уже более спокойным тоном, – ты же сама знаешь, что он не обременяет себя звонками родителям... Да что с ним может случиться в этом Гонконге? Он тысячу раз уже был за границей. А в его друзьях я уверен. Это они помогли ему избавиться от наркотической зависимости... Ладно, – вздохнул Николай Николаевич, – заверши перевод и ничего не бойся. Все будет хорошо. Понятно?

Он отключил сотовый телефон и тут же затрещал телефон на его рабочем столе. Николай Николаевич с тоской посмотрел на свою уже почти полностью истлевшую в пепельнице сигарету и снял трубку.

– К вам Яков Семенович, – сообщила ему секретарша, – ага, ага, впускаю...

– Новый партнер, – пробормотал Николай Николаевич, – вот образец молодого человека – делового – каковым и должен быть мой сын. А мой Васик... оболтус и больше ничего.

Прежде чем открылась дверь в его кабинет, в голове Николая Николаевича успела промелькнуть мысль, что это он оттого и доверяет своему новому партнеру, что видит в нем несостоявшийся идеал своего отпрыска.

Тряхнув головой, Николай Николаевич прогнал эту

мысль, немедленно настроив себя на деловой лад.

* * *

Клокочущие звуки, раздававшиеся из туалета, наводили на мысль о страдающем желудком бегемоте.

– Вот так дело, – проговорила Даша, – я и не думала, что этот старичок так подействует на Васика. Надо же – минуту руками помахал – и все. И организм нашего Васика спиртного не принимает. Удивительно. Слушай, Оля, а ты смогла бы так? В смысле – запрограммировать сознание Васика так, чтобы он не смог больше ни капли спиртного выпить? Ну, как этот старичок сделал?

– Наверное, смогла бы, – ответила я, – только Васик меня потом задушил бы.

– Это точно, – рассмеялась Даша.

Дверь в туалет медленно открылась, и в комнату, где сидели мы, вошел Васик. Он поднял на нас глаза и хрипло выговорил:

– Не могу...

Мы с Дашей переглянулись.

Васик добрал до журнального столика и взял в руки стоящую на нем почти пустую бутылочку виски.

– Восьмая попытка, – известил он и поднес горлышко бутылки ко рту.

– Васик! – позвала Даша.

– А?

– Может быть, ты прекратишь экспериментировать? – проговорила она, – вот уже два часа, как мы приехали в гостиницу, а ты все... Бутылку опорожнил, а не выпил ни глотка.

– Еще попробую, – прокашлявшись, сказал Васик и тоскливо посмотрел на бутылку у себя в руках, – ведь не может же быть так, чтобы...

Он не договорил. Страдальчески сморщившись, он поднес горлышко бутылки ко рту, выдохнул и, зажмурив глаза, вылил себе в глотку то, что оставалось в бутылке.

Опустив руки, он несколько минут стоял неподвижно, очевидно, прислушиваясь к тому, что происходит у него в желудке.

– Кажется, получилось, – прошептал он, – неужели...

В следующее мгновение лицо его перекосилось, Васик ухватился за живот и, согнувшись в три погибели, снова заковылял к туалету.

Мы с Дашей проводили его глазами.

– И правда подействовало заклинание китайского дедушки, – вздохнул, констатировала Даша под аккомпанемент рвущихся из туалета гортанных звуков.

Я кивнула.

Снова грохнула ведущая из туалета дверь. Васик, сдирая на ходу с себя рубашку, побрел к дивану и рухнул на него лицом вниз. Через минуту мы слышали приглушенные ры-

дания.

– Убью гада! – хрипло простонал Васик. – Весь Китай перерою, но этого старого козла достану! Сука косоглазая, всю жизнь мне изуродовал!..

– Ты бы, Васик, поспал, – посоветовала Даша.

– А идите вы все! – немедленно откликнулся Васик. – Кто ему бабки дал? Если бы он бабки не получил, он, наверное, снял бы с меня это проклятье... Сволочь.

Даша на это ничего не ответила, но по выражению ее лица можно было заметить, что в содеянном она несколько не раскаивается.

Васик внезапно утих. Он еще немного поворочался на диване и через несколько минут до нас донеслось его спокойное ровное дыхание.

– Спит, – шепотом сказала Даша и улыбнулась, – прямо как ребенок.

– Сама не знаю, – сказала я, – рада я или нет тому, что с Васиком случилось. С одной стороны – хорошо, что он больше не пьет, а с другой... Как бы Васик руки на себя не наложил от такой резкой перемены...

* * *

– Здравствуйте, Яков Семенович, – проговорил невидимый в темноте человек и рассмеялся, – проходи, Ящер, – добавил он, – присаживайся.

Парень с наголо обритой головой, в пластике которого заметно было что-то неуловимо напоминающее пластику ядовитых змей, прошел на середину темной комнаты и уселся на стул напротив широкого стола.

– Как продвигаются наши дела? – осведомился человек по ту сторону стола.

– Отлично, – почтительно склонив голову, отвечал Ящер, – наш дорогой Николай Николаевич с потрохами купился на мое предложение... То есть – ваше предложение. Разработанный мною... Разработанный вами план показался ему разумным и сулящим прибыль, которая...

– Так и должно было быть, – рассмеялся невидимый в темноте комнаты человек, – мой действительно составлен отлично. И знаешь, что я думаю? Он действительно помог бы Николаю Николаевичу неплохо заработать, если бы... Если бы я этого хотел.

На этот раз засмеялся и тот, кого Николай Николаевич называл Яковом Семеновичем, а странный человек в этой абсолютно неосвещенной комнате – Ящером.

– Как только будет переведена на мой счет в австрийском банке вторая часть оговоренной суммы, начнем действовать, – продолжал невидимый, – но ты должен сообщать мне о каждом своем шаге. Понятно?

– Понятно, – склонил в поклоне бритую наголо голову Ящер, – вы же меня знаете, Захар. Да, небольшая проблемка появилась.

– Какая это?

– Господин Николай Николаевич на нашей последней встрече извинялся передо мной, но предупредил, что в данный момент занимается наведением справок обо мне и моей фирме, – ответил Ящер, – видимо, тех рекомендательных писем, которые вы мне передали, оказалось мало. Оно и понятно – деньги-то очень большие на кон поставлены... Я боюсь как бы Николай Николаевич не разволновался бы, когда ему доложат, что никто никогда ни обо мне, ни о моей, так сказать, фирме и слыхом не слыхивал.

Невидимый рассмеялся.

– Ну, ты даешь, Ящер, – проговорил он, – неужели ты думаешь, я этого не предусмотрел? Выполнением подобного рода поручений у Николая Николаевича... наведение справок и сбор информации... занимается некий Ковалев. Вернее сказать, занимался... До вчерашнего времени. Понимаешь меня?

Теперь рассмеялся и Ящер.

– А чтобы у Николая Николаевича совсем не осталось никаких сомнений и подозрений, я поработал с одним из его хороших знакомых... Феденькой зовут. То есть – Федором Михайловичем. Это и мой хороший знакомый. Николай Николаевич ему доверяет почти так же, как он доверяет и Ковалеву... Вернее – доверял...

– Понятно, – благоговейно выдохнул Ящер, – теперь я знаю, что у нас все получится. Вы так все рассчитали и все-

все предусмотрели.

– Еще вопросы есть?

– Никак нет!

– Иди. Свободен.

Когда Ящер выскользнул из комнаты, тот, кого он назвал Захаром достал из ящика своего стола зеркало и черную свечу. Зеркало он установил перед собой на столе, а свеча прямо перед зеркалом – и щелкнул никелированной дорогой зажигалкой.

Через несколько секунд на освещенной неровным светом поверхности зеркала всплыло изображение очень толстого человека в белом летнем костюме. Захар довольно долго всматривался в изображение, потом прошептал:

– Зачем я связался с тобой? Очень, очень опасно... Хорошо, что пока ты не знаешь, кто ты есть на самом деле и боишься меня. Но как только ты...

Договаривать Захар не стал. Движением пальца он потушил свечу и неподвижно замер в темноте.

– Самое главное, – пробормотал он, – удержать всю троицу в Китае, пока я не завершу своего дела. И тебе, толстый демон, это удастся... Должно удастся. Иначе...

Он снова не договорил. Потом в темноте страшным белым светом вспыхнули его глаза.

– На этот раз ты мне не сможешь помешать, – прохрипел он, – на этот раз, сука, я одержу вверх. А когда у меня будут деньги, тогда... Если мой толстый посланник сумеет тебя

уничтожить, что ж... А если нет, то с помощью денег папика твоего дружка Васи́ка и с помощью моих старых связей, я тебя в порошок сотру.

Он замолчал, и ничем не нарушаемая тишина надолго воцарилась в темной комнате.

* * *

Уже совсем стемнело, когда мы разошлись по своим номерам. Я была в душе, когда зазвонил телефон.

«С Васиком что-то случилось, – мелькнула у меня первая мысль, – скорее...»

Пулей вылетела я из ванной комнаты и остановилась посреди гостиной. Ага, вот и телефон – когда протрещал очередной звонок, в полутьме гостиной вспыхнули огоньки – засветились кнопочки на телефонном аппарате. Я сняла трубку, и иллюминация тотчас прекратилась.

– Алло, – сказала я в телефонную трубку.

– Мисс Калинофф? – спросили меня.

– Да, – ответила я, мысленно отметив, что впервые слышу свою фамилию, произнесенную на английский манер, – да, – сказала я, – то есть – йес. Мисс Калинова у аппарата.

– Сейчас с вами будут говорить, – объявили мне. На этот раз я заметила в речи говорящего со мной портье странный сюсюкающий акцент.

«Китаец, – подумала я, – английский, конечно, не родной

его язык».

Портье, видимо ждал от меня подтверждения.

– Соединяйте, – спохватившись, проговорила я.

Немедленно раздался длинный гудок, а затем – громкое шипение телефонных динамиков.

«Странно все это, – внезапно подумала я, – кто это мне звонит? Я ведь всего несколько часов в городе. И раньше не была здесь никогда. Следовательно, знакомых у меня здесь не может быть. Васик или Даша? Тоже маловероятно. Васик спит мертвым сном, а Даша... да и Даша, наверное, уснула. И потом – им легче дойти до меня – наши номера совсем рядом, через стенку, можно сказать. Зачем по телефону-то связываться? Или это – междугородний звонок?»

Трубка, между тем, молчала.

– Алло! – позвала я. – Алло! Говорите, что же вы? – добавила я по-русски.

Никакого ответа.

– Говорите, я слушаю, – повторила я.

И снова ничего не услышала в ответ.

Я пожала плечами и положила трубку. Телефон немедленно взорвался еще одним звонком. Я сняла трубку – это снова звонил портье. На безупречном английском, только немного подсюсюкивая на шипящих и свистящих звуках, он осведомился, не побеспокоил ли меня, и, когда я уверила его, что нисколько не побеспокоил, он сказал, что со мной снова хочет кто-то говорить.

– Простите! – успела воскликнуть я. – А как он представился? Тот, кто хочет со мной говорить?

В ответ мне раздался длинный гудок и уже знакомое шипение в телефонных динамиках.

– Алло! – в который раз позвала я.

Шипение и больше ничего.

– Что за идиотские шутки! – проговорила я, снова положив трубку. – Кто это, интересно, таким образом развлекается? Может быть, Васик проснулся и решил скрасить свое непривычно трезвое существование телефонным хулиганством? Кстати, вполне в его стиле – звонить и молчать... Васик? Ну, впрочем, это легко можно выяснить.

Я накинула на плечи халат. Затем, немного подумав, отключила телефон, выдернув штепсель из розетки.

Вышла из своего номера и, сделав несколько шагов по коридору, остановилась перед дверью в номер Васи́ка.

Постучала.

Через несколько секунд постучала еще раз – погромче.

«Конечно, он спит, – подумала я, опуская руку, – в его теперешнем состоянии – да по телефону баловаться... Нет, глупо было в этом подозревать Васи́ка. Ну, не на Дашу же мне думать. Она девушка серьезная, подобная ерунда никогда ей в голову не придет».

За дверью зашаркали шаги. А через пару секунд дверь отворилась и на пороге возник Васи́к. Надо сказать, видок у него был еще тот – трусы висели на его худых бедрах, как

спущенный флаг, объявивших о капитуляции. Длинные спутанные волосы падали на смертельно бледное лицо, и воспаленные глаза тускло мерцали из-под них, как два красных хищных огонька сквозь заросли джунглей.

– Чего надо? – прохрипел Васик и заметно трясущимися руками подтянул трусы. – Который час?

– Половина первого, – ответила я наугад, – примерно... по местному времени.

– Так еще ночь? – возмутился Васик. – Чего ты приперлась?

Я не нашлась, что ответить.

– Спал, спал... – захныкал Васик. – Думал, хоть сном забудусь, а ты... Что за детский сад? Господи... – обеими руками он взялся за голову и проговорил, неизвестно к кому обращаясь, – если б кто-нибудь знал, как мне плохо.

– Извини, – сказала я, – просто я думала...

– Что ты думала?

– Что это ты звонил мне по телефону, – выпалила я, – буквально минуту назад. И молчал с трубку.

Васик открыл рот и плаксиво скривился.

– Знаешь что, Ольга, – выговорил он наконец, –шла бы ты для своих шуток другое время. И другое место.

Он с грохотом захлопнул дверь – мне пришлось даже отпрыгнуть назад, чтобы спасти свой нос от неминуемого перелома.

– И другой объект! – приглушенно донеслось из-за двери,

и снова зашаркали шаги – удаляющиеся.

* * *

Выспалась я прекрасно, хотя, когда ложилась в постель, честно говоря, долго боялась закрывать глаза. Не дай бог снова привидится что-нибудь вроде той кошмарной китайской обезьяны.

Солнце, желтое и круглое, как лицо китайца, стояла уже высоко в зените. Я приняла душ, оделась и подошла к зеркалу – наложить повседневный макияж. Примерно, на середине этого процесса меня прервал стук в дверь.

Я пошла открывать.

– Доброе утро, – сказала Даша, проходя в гостиную, – надо же, у тебя такая же обстановка, как и у меня.

– А какая у тебя? – поинтересовалась я, снова подходя к зеркалу.

– Напряженная, – ответила Даша, – Васик пропал.

– То есть как это? – не поняла я.

– А вот так, – вздохнула Даша, – я только что заходила к нему – его в номере нет.

– Может быть, он спит, – предположила я, – ты громко стучала?

– Я вообще не стучала, – проговорила Даша, опускаясь в кресло и закуривая, – дверь была открыта. Можно сказать – распахнута. Постель вся всклокочена, будто... Одежда Ва-

сика на полу, чемодан вывернут, вещи разбросаны по всем комнатам, бутылка в спальне разбита.

Даша глубоко затянулась, оборвав себя на полуслове. Я заметила, что она сильно взволнована, хотя изо всех сил старается этого не показать. Честно говоря, я и сама начала ощущать беспокойство. Мне вдруг припомнились вчерашние странные телефонные звонки, страдальческое лицо Васика, вынырнувшее из комнатного полумрака.

– Половина одиннадцатого, – сказала я, посмотрев на часы, – местного времени. Васик раньше полудня никогда не просыпался. Куда его понесло в такую рань?

– Так это же местное время, – резонно заметила Даша, – а в Москве сейчас сколько?

Я пожала плечами.

– Не знаю, – сказала я, – я часы еще перед отлетом самолета перевела. Когда мы еще в Москве были – на аэродроме. Но спать мне, честно говоря, уже не хочется. Значит, скорее всего, в Москве сейчас день.

– Мне тоже спать не хочется, – призналась Даша, – так у меня все перемешалось в голове с этими перелетами, с этой дурацкой сменой временных поясов... Ничего не сообщаю. Черт возьми, куда мог Васик подеваться? Неужели трудно предупредить, когда уходишь? Все-таки мы в чужом городе, в чужой стране. Да еще в такой идиотской. Где с самого начала непонятно что происходит.

– Дай-ка мне сигарету, – попросила я.

– Ты вроде бросила?

– Бросишь тут...

Закурив, я села в кресло напротив Даши. Чувство беспокойства, родившееся у меня в душе после первых Дашиных слов о Васике, укрепилось и разрасталось с пугающей быстротой.

«Всклокоченная постель, разбитая бутылка, – подумала я вдруг, – а что если?.. Да еще и дверь нараспашку».

– Послушай, – медленно проговорила я, – этот беспорядок в номере Васика наводит меня на одну очень неприятную мысль.

Даша поморщилась.

– И тебя тоже?

– А что – у тебя есть какие-то конкретные предложения? – немедленно поинтересовалась я.

– Не то, чтобы конкретные...

Недоговорив, она вздохнула и посмотрела мне в глаза.

– Да, – кивнула я ей, – очевидно, ты думаешь о том, о чем и я.

– То есть?

– О том, что Васика похитили.

– Думаю, – призналась Даша, – как-то все складывается очень подозрительно... Но сама посуди – кому и зачем понадобилось похищать Васика?

– Он сын богатых родителей, – напомнила я, – самое первое предположение, какое может прийти в голову – его по-

хитили с целью выкупа. Постой... Год назад примерно такая же ситуация была и с тобой.

Даша заметно вздрогнула.

– Не надо об этом, – опустив голову, попросила она, – не хочу даже вспоминать обо всем этом ужасе. Не надо.

Я замолчала. Да, неприятные ассоциации возникли у меня в связи с событиями сегодняшнего утра. Очень неприятные. Тогда, год назад...

Ладно, не буду вспоминать об этом. И без этого голова пухнет. Да и к тому же...

– Вспомнила! – воскликнула я.

Даша дернулась и поморщилась от моего крика.

– Что?

– Вчера вечером... То есть – ночью, – начала рассказывать я, – кто-то звонил по телефону мне в номер. Дважды. Я снимаю трубку – молчание.

– Ошиблись номером? – предположила Даша.

– Портье назвал мою фамилию и предупредил, что соединяет, – сказала я, – я своими ушами слышала – Калинова.

– По-китайски?

– По-английски. Я по-английски, как ты, наверное, знаешь, неплохо понимаю.

– Портье... – пробормотала Даша, – портье... Слушай! – воскликнула она вдруг. – Ты ведь можешь, используя свои экстрасенсорные способности, узнать, где находится Васик... Ну, что с ним случилось. Ведь можешь?

Я задумалась, потом с сомнением покачала головой.

– Вряд ли.

– Почему? – спросила Даша.

– Мой организм еще не приспособился к смене климатических и временных поясов, – пояснила я, – к тому же – перемещение на большое расстояние в пространстве – большая встряска для организма и, соответственно, для сознания и подсознания. Я, конечно, попробую, но за результат ручаться... Это уж извините...

– Попробуй, – попросила Даша, – попытайся, пожалуйста. Когда ты мне напомнила о тех ужасных событиях годичной давности – мне совсем не по себе стало. Как подумаю, через что нам пришлось тогда пройти, так...

Она поежилась.

Я кивнула и закрыла глаза. Сосредоточилась и задержала дыхание до тех пор, пока в моем сознании не всплыл образ нашего Васи́ка.

Туман... Туман...

Я попыталась, удерживая в своем сознании образ Васи́ка, переместится на несколько часов назад, но...

Туман за клубился, вытянулся тонкими струйками, которые немедленно начали сплетаться в причудливые одномерные композиции, очень напоминавшие китайские иероглифы. Несколько минут иероглифы, покачиваясь, плыли наполовину погруженные в серую туманную мглу, потом стали таять, растворяясь. Через несколько секунд я видела только

серую пустоту.

Все.

Я открыла глаза.

– Ну как? – спросила Даша, резко подавшись вперед.

Минуту я молчала, давая возможность своему сознанию заново приспособиться к отражению окружающей меня действительности? затем, когда я окончательно оправилась после выхода из гипнотического транса, в который сама себя погрузила, я заговорила:

– Ничего определенного, – сказала я.

– Совсем?

Я кивнула.

– Войти в контакт с Васиком мне не удалось, – вздохнув, проговорила я, – определить его местонахождение – тоже. Ну, как я и предполагала. Может быть, позже получится. Когда я немного поживу здесь, акклиматизируюсь...

Мне вдруг снова жутко захотелось курить.

– Не дай бог! – вырвалось у Даши. – В том смысле, что...

Страна Китай мне совсем не нравится. Отвратительная страна. Непонятная. И непонятные и пугающие вещи здесь происходят.

Она надолго замолчала. Наконец, вздохнула и, потушив в пепельнице сигарету, проговорила:

– Где же все-таки Васик? Как нам искать его?

– погоди, – подумав, ответила я, – если предположить, что ночные звонки в мой номер и исчезновение как-то связаны

между собой, то тогда у нас появляется ниточка, которая, в принципе, должна привести к разгадке всего этого. То есть – может привести к разгадке, – поправилась я.

– Портье? – догадавшись, просияла Даша.

– Именно! – воскликнула я. – Он принимал звонки от того, кто... молчал в трубку. Следовательно, он может знать что-то об этом таинственном незнакомце. Даже... Может быть, этот самый незнакомец звонил из холла гостиницы.

– Пойдем скорее! – Даша вскочила с кресла.

Я потушила сигарету и вслед за своей подругой направилась к двери.

* * *

В холле большой гостиницы было тихо и пусто. Все-таки, гостиница была очень дорогая и не каждый приезжий мог позволить себе жить здесь.

– Вот он, – шепнула мне Даша и кивком головы указала на низенького китайца, с круглого лица которого не сходила угодливая улыбка, хотя, как было уже сказала, холл гостиницы был пуст.

– Остается выяснить, тот ли это товарищ, который соединял меня со звонившим, – негромко проговорила я, – голос портье, говорившего со мной, я запомнила.

Даша шагнула к портье и вдруг остановилась, словно наткнувшись на невидимую преграду.

– Посмотри на него, – медленно проговорила она, – он что-то как-то...

Она не двигалась с места, прищурившись, смотрела на улыбавшегося кукольной ненастоящей улыбкой портье.

Я тоже взгляделась в фигурку портье и немедленно ощутила укол беспокойства. Китаец сидел неподвижно, далеко откинувшись на спинку своего кресла. Голову он склонил немного набок и, мечтательно улыбаясь, смотрел на синих нарисованных драконов, причудливо переплетавшихся на стеклянной входной двери.

– Пойдем? – тронула меня за плечо Даша.

Я кивнула и сделал несколько шагов по направлению к стойке, за которой сидел портье.

– Простите, – проговорила я по-английски, – мне нужен ваш коллега, который сегодняшней ночью...

Портье-китаец с застывшей на лице улыбкой не шевельнулся.

Я замолчала. Даша, поняв, наконец, в чем дело, тихонько вскрикнула и прижала ладони к губам, заглушив готовое рвануться наружу восклицание.

Шагнув к китайцу, я тронула его за плечо. Уже начавшее остывать тело с тихим скрипом завалилось набок и, упершись в заднюю стенку стойки плечом, на секунду остановилось. А потом портье, не переставая, глупо улыбаться, рухнул лицом вниз на полированную поверхность стойки – и ясно стала видна костяная ручка узкого ножа, торчавшая у

мертвеца под левой лопаткой.

– Господи... – прошептала Даша, – господи...

Она поспешно попятилась и, споткнувшись о складку на ковре, едва не упала.

Секунда прошла в замешательстве, потом я наконец догадалась – что нам нужно немедленно...

– Бежим! – крикнула я, дернув за рукав Дашу.

Она что-то хотела сказать мне, но не успела. Стеклозанные двери с синими драконами, зазвенев, распахнулись и холл гостиницы немедленно наполнился полицейскими.

Даша кинулась было к лестнице, но я остановила ее. Какой смысл теперь убегать? Только навлечем на себя лишние подозрения, если попытаемся скрыться – и все. А ведь мы ни в чем не виноваты. Даже больше – мы пострадавшие, у нас Васик пропал.

Полицейские окружили нас плотным кольцом. Они что-то возбужденно лопотали – слов я не понимала, но ясно чувствовала агрессию и злобу, излучаемые стражами порядка.

Сквозь толпу пробился взъерошенные китаец в костюме портье – точно такой же костюм был на убитом.

Китаец что-то тоненьким голоском немедленно завизжал, беспрестанно тыча в нас пальцем.

– Оля! – услышал я тоскливый голос Даши. – Что же теперь с нами будет? Они что... Они нас обвинят в убийстве?

– Разберутся, – сказала я, хотя сама совсем не была уверена в том, что говорю, – конечно, разберутся. Мы же ни в

чем не виноваты. Мы ведь иностранцы. Они вообще, кажется, не имеют права нас трогать.

Взъерошенный китаец-портъё на мгновение умолк, потом заверещал с новой силой. В тот же момент кольцо полицейских вокруг нас сомкнулась плотнее, а на наших с Дашей запястьях щелкнули браслеты наручников.

– Оля! – крикнула Даша.

Обернувшись к ней, я увидела, что двое полицейских держат ее за руки. Даша едва не плакала, беззвучно шевеля белыми губами.

«Вот так дела! – пронеслось у меня в голове. – Вот так влипли! Попробуй теперь что-нибудь докажи... Нет, должны они разобраться, должны. Но пока разберутся, столько времени пройдет... Документы, визы, проверка по компьютеру, переводчики... А нам ждать некогда. У нас Васик пропал. Что с ним случилось? Что вообще происходит?»

Глава 3

Эта жара сводила его с ума. Гонконг просто пылал от зноя. Казалось, еще немного и обезумевшие от зноя приземистые домишки расплавятся, стекут вниз к тротуарам, и весь город превратится в пузырящееся болото.

Впрочем, видимо, так серьезно жару воспринимал он один. Толстяк был очень грузен и всякое, совсем незначительное повышение температуры воспринимал как настоящую катастрофу. Толстяк с самого детства страдал неправильным обменом веществ – и все доктора, как один, советовали ему жить в условиях умеренного или холодного климата. Он очень не хотел ехать в знойный Гонконг, но выбора у него не было.

Толстяк жестом подозвал официанта и на корявом английском языке заказал еще бутылку минеральной воды. Китаец-официант покосился на внушительную прозрачную батарею пустых пластиковых бутылок из-под воды, громоздящуюся на столике перед Толстяком, но лишь удивленно моргнув, кивнул и убежал, балансируя подносом.

Толстяк в ожидании заказа минуту сидел в молчании и полной неподвижности, пока в его кармане не запиликал содовый телефон.

Не смотря на то, что он ожидал этого звонка, Толстяк вздрогнул. Он медленно включил телефон, словно действуя

против своей воли, поднес телефон к уху и совсем негромко проговорил:

– Алло...

– Это я, – квакнула трубка, – узнал?

Толстяк поежился.

– Да, – сказал он, – узнал.

– Как продвигаются дела?

– Нормально, – неохотно ответил Толстяк.

– Ты все сделал, как я тебя просил?

– Все, – сказал Толстяк и снова поежился так, словно совсем перестал замечать льющийся с неба изнуряющий зной, а почувствовал вдруг смертельный леденящий изнутри холод.

– Замечательно, – ровно проговорил его собеседник, – теперь слушай внимательно. Сделаешь все, как я говорю и, если результат твоих действий меня удовлетворит, можешь возвращаться обратно в свой Питер. Понял?

– Понял, – помедлив, ответил Толстяк, – но ведь я уже выполнил две твои просьбы, и ты... и вы мне два раза уже говорили, что я смогу вернуться домой, как только... Но за каждой просьбой следует очередная. Я ведь... Мы ведь договорились, что...

Толстяк замолчал и минуту слушал тишину в трубке. Потом вздохнул и проговорил:

– Что мне нужно сделать на этот раз?

Трубка ожила мгновенно.

– В камере хранения Северного вокзала, – услышал Толстяк голос в трубке, – ты найдешь...

Толстяк, кивая, слушал, а когда объяснения закончились, облизал пересохшие губы и внезапно севшим голосом спросил:

– Я хотел у вас узнать, как там насчет моего...

Почему-то он не договорил.

– Хорошо, – прозвучал в трубке холодный голос, – я же говорил тебе – будешь выполнять мои поручения и будет... и все будет в порядке.

– Понятно, – хрипло сказал Толстяк и закашлялся. Когда он перестал кашлять, в трубке уже пульсировали короткие гудки.

* * *

От здания Северного вокзала такси доставило Толстяка к парадному входу лучшей гонконгской гостиницы. Расплатившись, Толстяк вышел на тротуар, но не направился, как того следовало было ожидать, к большой стеклянной двери с нарисованными на ней драконами, а, подождав, пока желтая приземистая машина такси отчалит от обочины и скроется в гудящем автопотоке, двинулся с места и медленно пошел по направлению к ближайшему переулку.

Свернув в переулок, Толстяк перешел на бег. Его торопливые шаги гулко стучали в темном и узком переулке. Тол-

стяк остановился у небольшой металлической двери в кирпичной стене.

– Черный ход, – прошептал он, – все точно так, как он мне и говорил.

Металлическая дверь оказалась не заперта. Толстяка это явно не удивило – видимо, он заранее об этом знал. Еще раз оглянувшись по сторонам и не увидев никого, Толстяк открыл двери и быстро зашагал по длинному и темному коридору, сплошь заставленному большими деревянными ящиками.

Три раза китайцы в нечистых белых халатах показывались в темном зеве коридора и трижды Толстяк прятался за ящиками и, закрыв глаза, тихо сидел на корточках, стараясь унять бешено бьющееся сердце.

Наконец коридор привел Толстяка к грязной лестнице, по которой вверх-вниз сновали китайцы с озабоченными лицами. Теперь – здесь – на Толстяка никто не обращал никакого внимания, но тем не менее, он постарался быстрее подняться по лестнице и на площадке нужного ему этажа, остановился, с трудом переводя дыхание.

Пот градом катился по его лицу, застывая серыми кляксами на белоснежном воротнике его рубашки.

Перед дверью, ведущей с черной лестницы в коридор, Толстяк немного замешкался – дверь была заперта. Порывшись в карманах, Толстяк извлек на свет тонкое металлическое кольцо, на котором болтались десятка два отмычек,

выбрал нужную и, через минуту, дверь тихонько заскрипев, отворилась. Толстяк шагнул в коридор, прикрыл за собой дверь, оглянулся и вздрогнул – к нему, смешно семеня по пушистой красной ковровой дорожке, спешил китаец-коридорный.

Толстяк выкрикнул первую пришедшую ему на ум китайскую фразу, а когда тот остановился в недоумении – на расстоянии нескольких метров от Толстяка – последний быстро достал из кармана просторных белых брюк маленькую баночку, сыпанул из баночки себе на ладонь белый порошок, шагнул к коридорному и сдул порошок ему в лицо.

Китаец поспешно отпрыгнул, но несколько мельчайших крупинок все же попало ему на кожу лица. Он чихнул и, вдруг перекосив рот, уставился в глаза Толстяку.

Толстяк мучительно нахмурился и медленно проговорил длинную фразу на китайском языке – которую вызубрил два дня назад.

Коридорный повернулся и медленно проследовал к своему месту. Толстяк облегченно выдохнул.

– Подействовало, – прошептал он, обращаясь к самому себе, – теперь косоглазый часа два сидеть будет за своим стульчиком... в полном анабиозе. Да, убойное зелье я получил от своего... хозяина.

Толстяк оглянулся по сторонам. Дверь в номер, который был ему нужен, находилась всего в двух шагах от того места, где он стоял.

– Заперто, – бормотал себе под нос Толстяк, легонько толкая дверь, – но это не беда, конечно...

В ход снова пошла отмычка, и через минуту дверь открылась. Толстяк прошел в гостиную. Шторы были опущены и в комнате замерли густые сумерки. Толстяк щурил глаза, стараясь в полумраке рассмотреть интерьер комнаты, но света почему-то не зажигал.

* * *

Плавающая неясным серым пятном по темной гостиной, Толстяк едва ли не на ощупь что-то искал. Наткнувшись наконец на настольный светильник, Толстяк невнятно вскрикнул – очевидно, он искал именно этот предмет.

Он достал из кармана зажигалку, щелкнул колесиком, и когда ровное бензиновое пламя рванулось вверх, осторожно поставил зажигалку на стол и при неясном трепещущем свете, вынул из кармана баночку с тем самым белым порошком. Из внутреннего кармана легкого летнего пиджака появился блокнот.

Толстяк оторвал листочек и, примерившись, поместил его внутрь округлого корпуса светильника так, чтобы электрическая лампочка находилась непосредственно под листочком бумаги.

После этого Толстяк сделал небольшую паузу, всплеснул руками, как бы готовясь к чему-то важному и, затаив ды-

хание, осторожно высыпал на листок весь белый порошок из баночки. Затем он сунул пустую баночку, предварительно тщательно закрыв ее крышкой, в карман, а из складки манжеты пиджака извлек маленький бумажный пакетик.

Перед тем, как вскрыть пакетик, Толстяк плотно обмотал лицо случившимся на спинке стула полотенцем. В пакетике оказался угольно-черный порошок, совершенно сливающийся с комнатной темнотой.

Тщательно следя за тем, чтобы ни одна крупинка не попала ему на руки, Толстяк высыпал черный порошок на листок бумаги – прямо поверх белого порошка.

– Готово, – глухо прозвучало из-за полотенца, – теперь когда она включит светильник, лампочка быстро прогреет бумагу, белый порошок начнет испаряться и, попав в ее легкие, лишит его возможности двигаться. И тогда дело дойдет до черного...

Толстяк вытер вспотевшие руки о штаны и, пятясь, стал отходить к двери. Шум, раздавшийся из коридора, заставил его крупное тело вздрогнуть. Толстяк взмахнул руками, словно обо что-то споткнулся и едва не упал на самом деле – и сбил со стоящего у стены гостиной столика – стакан.

Стакан грохнулся об пол и разлетелся сотнями осколков. Толстяк прошипел невнятное ругательство. Он наклонился было, чтобы собрать осколки, но приближающийся шум мгновенно выпрямил его.

– А... А-ат... А-атвали! – на чистейшем русском прогре-

мело из коридора.

Толстяк явно узнал этот голос. Он моментально изменился в лице, сорвал с себя полотенце и, судорожно скомкав, швырнул в угол. Сотрясаясь от охватившей его тело дрожи, он рванулся к двери, тихонько приоткрыл ее – и не смог удержаться от облегченного выдоха.

На цыпочках Толстяк выкатился в коридор, подбежал к двери, ведущей на черный ход и исчез.

Одурманенный белым порошком коридорный неподвижно сидел за своим столиком, уставив совершенно пустые глаза в какое-то одному ему известное измерение.

Истошные вопли:

– А-а-а-атвали! А-а-а-атвали! – гремели по коридору.

* * *

– Ну вот, – вздохнула Даша и попыталась бледными губами улыбнуться, – нас и отпустили. Когда следователь начал через переводчика объяснять нам, в чем нас обвиняют, я едва удержалась от того, чтобы не грохнуться в обморок. Подумать только – умышленное убийство с целью ограбления. Какие-то неясные намеки на шпионаж. Просто жуть. Но я же говорила, что нас отпустят, когда разберутся.

– Это я говорила, – поправила я Дашу, – забыла? Ты еще вспомни, как ты в полицейской машине рыдала. Как ты кричала, что все пропало, что мы погибли...

– Было дело, – виновато призналась Даша, – сорвалась я, извини. Первый раз в жизни меня арестовали. Да еще в чужой стране, да еще по такому серьезному обвинению.

Такси подкатило к парадному входу в нашу гостиницу. Мы расплатились и направились в холл. За стойкой портье сидел незнакомый китаец в форменной одежде. Увидев нас, он так выпучил свои узкие, что на мгновение стал похож на европейца.

Даша снова нервно вздрогнула.

Я спокойно поздоровалась с портье. Не ответив на приветствие, он схватился за телефонную трубку, как за пистолет. Быстро-быстро набрал номер и что-то залопотал на своем тарабарском языке.

Мне даже не пришлось применять свои экстрасенсорные способности, чтобы понять, куда он звонил – пока мы находились в полицейском участке, пока через переводчика разговаривали со следователем, у меня было достаточно времени и возможности выучить, как по-китайски будет «полиция», «следователь», «подозреваемый».

Очевидно, портье решил, что нас с Дашей уже оформили, как убийц-маньяков и предали скорой, но мучительной смерти; вот он и звонил в полицию узнать, почему это мы вновь оказались на свободе, да еще имели наглость вернуться на место ужасного преступления.

Присмотревшись к портье, я вдруг поняла, что это тот самый китаец, который и вызвал полицию, тот самый китаец,

который и вызвал полицию, тот самый китаец, из-за которого мы и попали сначала в полицейскую машину, а потом в участок. Да это он. Только волосы его теперь не встрепаны, а причесаны аккуратно. Но выражение лица снова – тревожное, взволнованное. Поэтому-то я его и узнала.

Судя по всему, по телефону портье сообщили что-то, ни в какие разумные рамки не укладывающееся – потому что он медленно, как бы с сожалением положил трубку и с вымученной улыбкой обратился к нам с приветствием.

Я невольно поморщилась.

– Пойдем в бар, – шепнула мне Даша, – мне просто необходимо немного выпить, а то я с ума сойду от всего этого...

Я кивнула. Даше, да и мне тоже на самом деле необходимо было прежде всего – прийти в себя. С нами и вокруг нас творилось что-то непонятное и притом очень пугающее.

– Пойдем, – сказала я Даше.

Мы направились по коридору, вход в который был украшен гирляндами искусственных цветов, куклами переплетающихся с друг другом драконов, иероглифами и соответствующими надписями на английском языке, которыми мы с Дашей в своих поисках какого-нибудь злочного заведения и руководствовались.

Даже не оборачиваясь, я чувствовала на своей спине недоумевающий взгляд портье. Да, ему, конечно, есть чему удивляться – чтобы обвиняемые в тяжком преступлении вернулись обратно в гостиницу, где произошла трагедия – спустя

всего два часа.

Да и Даша была этому обстоятельству немало удивлена. И обрадована. Пожалуй, больше обрадована, чем удивлена, потому что особого удивления пока не выказывала – было не до того.

Конечно, я знала в чем тут дело. Просто в процессе допроса я использовала свои экстрасенсорные способности.

Довольно трудно было – потому что я общалась не непосредственно с допрашивающим меня полицейским, а с переводчиком; но мне удалось сконцентрироваться (что было очень сложно в данной ситуации) и, проникнув в сознание переводчика, установить виртуальный канал обмена мыслительной энергии с полицейским. Сознание того, кто переводил с русского языка на китайский и наоборот – сыграло роль своего рода передатчика энергии.

И мне все удалось. Я сумела убедить следователя, что мы с Дашей ни в чем не виноваты, и нас нужно немедленно отпустить – чтобы не было потом никаких проблем с российским консульством.

Результат, как говорится, на лицо.

А угрызений совести я не испытывала вовсе. А почему это я должна испытывать угрызения совести? Мы с Дашей ведь на самом деле не убивали портъе, и не имеем ни малейшего понятия о том, кто это сделал. Просто я ускорила процесс раскручивания уголовного дела. Сбила полицию с изначально неверного следа.

Пусть оставят нас в покое и ищут настоящего убийцу. – Хорошо, что все обошлось, – снова сказала Даша, – только вот...

– Что?

– Только неизвестно, что с Васиком, – вздохнула она, – что-то нехорошие у меня предчувствия...

Договаривать она не стала, да и нужно ли было договаривать?

* * *

Мы вошли в бар. Накурено было так, что казалось, будто мы вдруг попали в огромных размеров аквариум, в котором давно не меняли воду. С виду вполне респектабельные китайцы в дорогих костюмах непрерывно дымили какими-то особенно вонючими папиросками – от дыма у меня немедленно перехватило дыхание. Несколько европейцев – судя по внешнему виду – англичан – неторопливо посасывали сигары.

– Жуть! – закашлялась и Даша. – Как здесь можно больше пяти минут находиться? Кажется, я и минуты не выдержу. Слушай, Оль, давай выпьем по стаканчику и пойдем, а? Или лучше – взять в номер бутылку чего-нибудь... легонького. Оль! Ольга, ты меня слышишь?

– Слышу, – ответила я, – и вижу...

Я рассмеялась.

– Ты чего? – удивленно спросила Даша. – Что ты видишь-то?

– Посмотри сама!

Даша обернулась туда, куда я показала ей и от неожиданности открыла рот.

– Вот сволочь! – с чувством проговорила она. – Просто сволочь. Гад!

Возле стойки бара стоял Васик. Впрочем, слово «стоял» в данной ситуации не совсем подходило – Васик цеплялся за стойку, пытаясь утвердить свое длинное костистое тело в вертикальном положении, но неведомая сила неудержимо бросала его из стороны в сторону. Его длинные, почему-то мокрые волосы налипли на бледное лицо, ноги его то и дело подгибались – и Васик был вынужден ежеминутно наваливаться грудью на поверхность стойки бара, чтобы не грохнуться навзничь. Время от времени он что-то выкрикивал – бармен, как я вдруг заметила, на крики Васика не обращал никакого внимания.

Перед Васиком красовалась полупустая бутылка виски и пустой стакан. Васик хватался за горлышко бутылки, судя по всему, чтобы налить себе выпивку в стакан, но его бледную физиономию каждый раз так перекашивало, что смотреть на него было положительно страшно.

– Напился, – удивленно констатировала Даша, – вот что значит – русский характер! Вопреки всяким там иноземным штучкам вроде гипноза и всего такого... Ты посмотри на

него, Ольга, он же просто на ногах не стоит.

Я молчала. Что-то меня очень беспокоило. Конечно, я не раз и не два видела своего друга пьяного, наблюдала его выпивши, общалась с ним, когда он был с похмелья или с многодневного перепоя, транспортировала его, насосавшегося до бесчувствия, но сейчас внешний вид Васи́ка не подходил ни под одно из этих определений.

Даша усмехнулась.

– Вот теперь все, как обычно, – сказала она, – как хорошо, что он нашелся. Знаешь, я даже почему-то рада тому, что Васик опять надрался до чертиков. Честно говоря, мне немного не по себе было наблюдать за тем, как он мучился без своей бутылочки. Хватит с меня колдовских штук. Вот он – такой родной и обычный Васи́к – пьяный.

– Непредсказуем русский характер, – продолжала разглазывать Даша, – у меня был знакомый художник, который мог месяцами не употреблять спиртного, но как только у него появлялся заказ, суливший баснословные барыши, уходил в продолжительный запой. Объяснял это тем, что – волновался. Так-то...

– Пойдем, – сказала я, – заберем его отсюда. Не хватало еще, чтобы и Васи́к в полицию загремел.

Мы подошли к стойки бара и с двух сторон взяли Васи́ка под руки. Он что-то замычал и снова ухватился за бутылку. На этот раз она выскользнула у него из рук и, упав на пол, разбилась.

Васик вскрикнул и, увлекая нас с Дашей за собой, опустился на колени.

– Ра... разбилась, – горько выговорил он и с силой ударил ладонью по опасно поблескивающим осколкам.

Брызнула кровь. Даша взвизгнула. Я вскочила на ноги. К нам уже бежал, угодливо изгибаясь, лакей с полотенцем. Общими усилиями мы подняли Васика усадили его за ближайший столик и перебинтовали руку. Он уже не сопротивлялся, только постоянно оглядывался на рассыпанные в луже осколки и морщил лицо.

Даше уже было не до смеха.

– Васик! – она осторожно дотронулась пальцем до его лица. – Где ты был? Мы тебя искали, искали...

Васик не обращал на нее никакого внимания. Я вдруг поняла, что вовсе он не пьяный, он просто... просто... Я заглянула в глаза Васику. В его взгляде ясно читалось безумие.

Даша тоже начала понимать. Вскрикнув, и зажав ладошкой рот, она затеребила Васика за рукав. Тот мотнул головой и закрыл глаза.

– Как же это... – прошептала Даша, – знаешь, Оля, мне кажется, что он не напился. Он... Что с ним?

Я пожала плечами.

* * *

– Привет, девчонки! – вдруг грянул у меня над ухом гу-

стейший бас.

От неожиданности я даже вздрогнула. Липкая паутина тоненькой китайской речи, опутавшая серый от табачного дыма воздух бара, разлетелась на куски от сочной фразы, произнесенной на чистом русском языке.

– Соотечественники! – снова пробасил подошедший к нам человек, без приглашения плюхаясь за наш столик. – А я смотрю на вашего товарища и все думаю – нет, не может быть он иностранцем – свойская у него морда – русская.

– Здравствуйте, – запоздало поздоровалась я, а Даша кивнула.

– Меня Михаилом зовут, – широко улыбнувшись, представился наш новый знакомый.

Мы с Дашей назвали свои имена, Даша, легонько коснувшись лица Васику, проговорила:

– А это наш друг Василий. Извините, он немного того...

– Да нет базара!

Проговорив эту фразу, наш новый знакомый Михаил так энергично всплеснул руками, что едва не опрокинул столик. Васик вздохнул и опустил лицо на стол. Через минуту он задышал ровно, и я поняла, что Васик уснул.

«Ну и слава богу», – подумала я и перевела взгляд на подсевшего к нам человека, который, между прочим, приобняв за плечи немного прибалдевшую от неожиданности Дашу, что-то увлеченно ей рассказывал.

Вроде бы, этот человек представлялся Михаилом. Кстати,

имя ему очень подходило – густейшая курчавая шевелюра на его голове сливалась с пышной бородой, отчего лицо Михаила очень напоминало добрую звериную морду. И невероятных размеров коричневый спортивный костюм с начесом, наверное, в два раза зрительно увеличивающий размеры самого Михаила, отлично дополнял его сходство с млекопитающим из семейства медвежьих – и рыкающий голос тоже.

– Я здесь на втором этаже живу, – гудел Михаил в ухо Даше, – уже третий год в этой гостинице, ни одного нормального русского лица не вижу, кроме этих идиотских дипломатов и этих... политиков...

– А вы, простите... – перебила его Даша, подаваясь в сторону от назойливых объятий Михаила, – а вы, простите... чем занимаетесь?

Михаил недоуменно сморгнул и почесал толстыми короткими пальчиками шею под бородой.

– Как это – чем занимаюсь? – переспросил он. – Сижу в баре. Пил водку. Рисовую. Кстати, нужно еще заказать – а то вы какие-то... заторможенные.

– Моя подруга хотела спросить, – встряла я в разговор, – кто вы по профессии?

Этот вопрос также поставил Михаила в тупик. Он выпустил из своих рук Дашу и глубоко задумался. Мы с Дашей переглянулись.

– Снова начинается, – ясно читалось в тоскливых глазах Даше, – Господи, как я устала от всего этого... Неужели хотя

бы несколько минут с нами не может ничего не происходить? Нас выпустили из полиции, нашелся потерянный Васик, все бы прекрасно, но вот еще объявляется этот непонятный Михаил.

Даша вздохнула.

Михаил пожал плечами и растеряно взглянул на меня.

– Вы безработный? – предположила я.

– Ага! – обрадовался он. – Я нигде не работаю уже три года! Значит, безработный. Точно...

– Безработному точно не по карману будет жить в этой гостинице, – негромко проговорила Даша, вроде бы ни к кому специально не обращаясь, – тем более – целых три года жить...

– Пойду принесу водки, – поднялся со стула Михаил, – или, может быть, вам чего-нибудь другого?

– Нам ничего не надо, – сказала Даша, – мы с подругой уже уходим...

– Уже уходите? – огорчился Михаил. – Ну, хотя пять минут посидите? Ну, пожалуйста... Я вас буду угощать, чем захотите! Хотите рисовую водку?

Мне очень не хотелось подниматься в свой уже успевший порядком надоесть номер. Тем более – Васик, которого нужно, конечно, оттранспортировать...

– А потом я вашего друга отволоку наверх, – словно прочитав мои мысли, предложил Васик, – а то он совсем плохой. Я тут со вчерашнего вечера сижу, так он часов в семь утра

пришел – уже едва на ногах стоял – такого пьяного редко увидишь в России-то, а не то что в Китае.

– Пьяный в семь часов утра? – Даша посмотрела на меня. – Ночью Васик был трезв и напиться за те несколько часов он просто не мог. Тем более, что он вообще не мог пить. И не то у не было состояние, чтобы...

– Не может пить? – вдруг рассмеялся Михаил. – Тогда все понятно! А я-то думал! Он что – закодировался? Я же смотрю, он пьяный, но какой-то не такой пьяный... И пока он здесь валандался у стойки, он веда ни глотка не выпил – я за ним наблюдал. Он стакан в глотку опрокинул, а бухло обратно из него лезет. Бармен замудохался с тряпочкой за ним бегать... Понятно – ваш друг не пьяный, а просто дурью закинулся какой-нибудь. Я тоже так делал, когда мне пить нельзя было... Ну, когда трипаком болел. Обкуривался и долбался каждый день. Очень меня мучило то, что пить нельзя.

Михаил вздохнул и покачал головой.

– А теперь до такого состояния дошел, – снова замолотил он языком, – что сколько не пью, никак не могу допьяна напиться. Верите, почти вторые сутки пью – и все еще трезвый. Как стеклышко.

– Значит, Васик ничего не пил, – задумчиво проговорила Даша, – почему же он так...

Васик, лежащий на столе, пошевелился и что-то промычал, не открывая глаз.

– А как здесь с наркотиками дело обстоит? – поинтересо-

валась я у Михаила, который все еще переминался с ноги на ногу у нашего столика, видимо, не решаясь отойти за водкой, чтобы – не дай бог – не упустить нас.

– С наркотой?! – воскликнул он, – да прекрасно дела обстоят! Хотите, через пять минут принесу? Вам чего – покурить, по ноздре?.. А может быть, что-нибудь эдакое – из национальной китайской кухни?

– То есть, – снова перебила его Даша, – достать наркотики в этой гостинице – не проблема?

– В этой гостинице – проблема. А если выйти на улицу и пройти буквально десять метров – то никаких проблем, – пояснил Михаил.

– Все понятно, – вздохнула я, хотя ничего мне все-таки понятно до конца не было, – Васик проснулся и, вспомнив, что не может выпить, решил... вспомнить свое бурное прошлое... Помнишь, Даша, сколько мы потратили сил, заставив его пройти курс лечения и таким образом отвадив от кокаина? А он решил все заново начать.

Я заметила, что Михаил смотрит на нас удивленно.

– Да чего вы так за него беспокоитесь? – спросил он. – Ну, ужабился пацан и хрен с ним. Завтра будет как новенький. Я сам его подлечу. Лично. Так я пойду за водкой?

– Конечно, – сказала Даша, – иди.

– А вы не убежите? – неожиданно проговорил Михаил, – обещаете?

– Нет, – в один голос заявили мы с Дашей, – не убежим.

Обещаем.

Михаил широко улыбнулся и, переваливаясь с ноги на ногу, побежал к стойке. Через минуту его уже никак нельзя было отыскать взглядом среди толпящихся у стойки бара китайцев. Кажется, я забыла сказать о том, что Михаил был очень маленького роста – ниже меня примерно на голову.

– Пойдем быстрее отсюда, – сказала я, повернувшись к Даше.

Даша, ухватив за рукав пробежавшего мимо официанта, что-то втолковывала ему, указывая то на спящего за столом Васика, то на дверь, ведущую из бара прочь. Несмотря на то, что Даша довольно прилично изъяснялась по-английски, официант непонимающе хмурился и разводил руками – до тех пор, пока Даше не пришло в голову сунуть ему в карман пару двадцатидолларовых купюр.

Глава 4

– А-атвали! – орал Васик.

Он даже пытался отбиваться от волокущего его по коридору официанта руками, слабыми, как весенние веточки. Пару раз Васик шлепался на худую задницу и, раскинув длинные ноги, сидел, раскачиваясь, словно старый еврей на молитве. Официант, очевидно проклявший самого Васика, нас с Дашей, несчастные сорок долларов и все на свете, пытался взвалить себе на плечо иссушенное последними событиями тело Васика, глухо что-то ворчал себе под нос.

– И кто же знал, что поездка в лифте так на человека подействует... – пробормотала сквозь зубы Даша, поддерживая мотающуюся из стороны в сторону патлатую Васинову голову, – был овощ, а, как в лифте оказался, сделался буен. Что за морока нам...

Официант под тяжестью голосащего дурным голосом Васика стал заваливаться на бок. Я едва успела подскочить и подставить плечо.

– А-атвали! А-а-а-атва-а-али! – снова загорланил Васик. – Не жж-ж-желаю! Пу-пусти, папа... па-падла!

– Хорошо еще, что коридорный на нас вроде бы не обращает внимание, – заметила Даша, поймав Васика за дрыгавшую ногу в тот самый момент, когда его ступня, обутая в тяжелый ботинок просвистела в сантиметре от уха офици-

анта.

Я оглянулась на коридорного. Пьяный он, что ли? Сидит, как истукан, на нас не смотрит, смотрит в сторону. Или здесь так принято? Не обращать внимание на буйствующих клиентов? Тактичные люди эти китайцы, что и говорить. Наш обслуживающий персонал давно бы уже забегал и завозникал, угрожая милицией и вымогая мзду.

До двери в номер Васи́ка осталось несколько шагов, мы находились как раз напротив двери в номер, где остановилась я.

– Может быть, его к тебе? – предложила Даша. – Чтоб не мучиться. Нам каждый шаг с таким трудом дается...

– Благодарю покорно! – отозвалась я. – Всего-то пару метров осталось протащить этого ненормального и все.

Васик снова что-то заорал и задрогал ногами. На этот раз я не успела поддержать официанта – и он вместе с Васиком рухнул на покрытый ковровой дорожкой пол.

Оказавшись под извивающимся и орущим Васиком, официант немедленно захныкал, а Васик неожиданно резво вскочил на четвереньки и совершенно по-собачьи рванул вперед по коридору.

– Идиот! – прошипела Даша, с ненавистью смотря на подпрыгивающий зад, обтянутый черными джинсами. – Вот не сойти мне с этого места, если я еще куда-нибудь с этим идиотом поеду. Ну, сколько можно нас позорить.

Официант поднялся на ноги и, держась за стеночку и по-

качиваясь, побрел прочь – к лифту – очевидно, решив, что его миссия закончена.

Я обернулась к нему, открыла было рот, чтобы позвать, но потом махнула рукой. И так натерпелся человек. За такого транспортировку такого клиента, как Васик, не сорок долларов нужно платить, а по меньшей мере – четыреста. И еще сотню сверху за моральный и физический ущерб.

Официант, не переставая хныкать, двигался к лифту. Он заметно подволакивал ногу; а когда Васик добежал до конца коридору и, повернув обратно, издал нечеловеческий вопль, втянул голову в плечи и заковылял к лифту быстрее.

Васик несся на нас, тряся головой и взлаивая, как самая настоящая бешеная собака.

– Хватаем и к тебе, – проговорила Даша, выходя на середину комнаты и расставляя руки, словно вратарь, навстречу которому приближается с мячом нападающий из вражеской команды, – вон у тебя и дверь приоткрыта – не нужно будет с ключом возиться...

Я тяжело вздохнула, но все же согласно кивнул. С ключом возиться и правда не придется – дверь отходила от косяка примерно на пять сантиметров, впуская в темную прихожую полосу желтого света из коридора.

Стоп!

Позвольте, ведь я прекрасно помню, что я закрывала дверь.

– Стоп, – вслух проговорила я, – я прекрасно помню, что

я запирала дверь, когда уходила. Слышишь, Даша?

Даша не слышала. Преграждая путь Васику, лицом она напоминала женщину с плаката военных лет «Родина-мать зовёт» – отрешенная решимость и ясное ощущение приближающейся опасности.

Васик рухнул, пару метров всего не добежав до Даши – как раз напротив двери в собственный номер.

– Слава богу, – выдохнула Даша, – кажется успокоился...

Васик свернулся калачиком и через минуту спокойно засопел.

– Может быть, так его и оставим? – проговорила Даша, подходя к нему.

Я оторвала взгляд от своей двери и шагнула к ней.

– Даш, – позвала я, – ты не помнишь, когда мы уходили из номера – утром – я запирала за собой дверь или нет.

– За ноги тащить придется... Что?

– Я утром заперла дверь в свой номер или нет – не помнишь? – повторила я.

Даша пожала плечами.

– Как же мне все упомянуть, – усмехнулась она, – столько событий за весь день – исчезновение Васику, убийство портье, полиция, следователь... Дикая сцена в баре, этот... Михаил... Путешествие на наш этаж из бара, собачьи бега... Какую ты ерунду говоришь, Ольга! Заперла, не заперла. Если у тебя из номера что-то пропадет, администрация возместит убыток – во всех приличных гостиницах так. А вспомнить –

запирала ты номер или нет – извини не могу. В голове все перепуталось, честное слово. Вполне возможно, что ты и забыла запереть – мы ведь в каком состоянии утром выходили из твоего номера? Вот то-то...

На секунду мне вдруг стало зябко, будто я заглянула в глубокий сырой погреб. Черт возьми, терпеть не могу такого ощущения, как всегда означающего, что нечто нехорошее должно случиться. Терпеть не могу – прежде всего потому, что это ощущение меня никогда не обманывало.

– Ладно, – вздохнула Даша, – бери этого парнокопытного за копыта... то есть за ноги и понесли.

* * *

Николай Николаевич, прежде, чем позвонить долго вертел в руках продолговатую, словно покрытый белой краской кабачок, телефонную трубку, покусывал губы.

Наконец он – уже в десятый, наверное, раз, набрал номер и, услышав сакраментальное «абонент не может ответить на вызов или находится вне зоны связи», отключил телефон.

– Опять телефон потерял где-то, – проговорил он, – ну и сынка мне господь бог послал. Черт возьми, я все-таки отец и мне нужно знать хотя бы – долетел Васик до Китая или нет. Позвонить в гостиницу?

Воодушевленной новой идеей, Николай Николаевич так и сделал. Когда ему сообщили, что ожидаемые гости Хунь-

жоу благополучно прибыли, положил трубку и облегченно выдохнул.

– Ну, хоть так, – сказал он.

Николай Николаевич взялся за лежащие перед ним на столе сигареты, но тут же, спохватившись, взглянул на часы.

– Ах ты, черт... – пробормотал он, – совсем замотался. Через пять минут у меня назначена встреча с Ковалевым. Интересно, какие сведения он собрал о Якове Семеновиче. Мне кажется, что ничего плохого сказать об этом достойном человеке нельзя. Он очень хорошее впечатление производит.

Секретарша позвонила ровно через пять минут.

– К вам Федор Михайлович, – доложила она.

– Федор Михайлович? – удивленно переспросил Николай Николаевич. – Но договоренность была с Ковалевым. Он не смог прийти и послал вместо себя Федора Михайловича? Но почему он в таком случае не предупредил меня? Обычно Ковалев крайне пунктуален... Впустите! – прервав ход своих размышлений вслух, разрешил Николай Николаевич.

Невысокий и грузный – весьма благообразного вида – мужчина стремительно вкатился в кабинет. Лицо его было скорбно и слезы застыли в русой окладистой бороде. Увидев гостя Николай Николаевич изумленно приподнялся с кресла и уже кладя руку на грудь, словно удерживая рвущееся оттуда тревожное чувство, проговорил негромко:

– Что случилось?

Благообразный тяжело опустился в кресло напротив Ни-

колая Николаевича и ответил после продолжительного вдоха:

– Нашего Ковалева с нами больше нет...

– Как это? – не понял Николай Николаевич.

– Вчера... – Федор Михайлович в отчаянии дернул себя за бороду, – вчера... его сбила машина. Прямо возле его дома – во дворе – когда он направлялся к своей машине... Такое горе...

– Насмерть? – шепотом спросил Николай Николаевич.

– Насмерть, – судорожно вздохнув, подтвердил Федор Михайлович, – он скончался через несколько минут после происшествия... Не приходя в сознание.

Николай Николаевич опустил в свое кресло и сжал пальцами виски.

– Столько лет, – проговорил он, невидящим взглядом уставившись в стол, – столько лет мы сотрудничали... Учились с ним на одном курсе... Уже тогда... Убийцу нашли? – подняв голову, быстро спросил Николай Николаевич.

– Какое там! – горестно выговорил Федор Михайлович, махнув рукой. – Сбил и тут же скрылся... Наверное, пьяный какой-то был или наркоман.

– Я немедленно позвоню! – Николай Николаевич схватился за телефон, – немедленно позвоню и попрошу кого надо поднять на ноги всех ментов в городе и разыскать того ублюдка!

– Не стоит, – снова вздохнув, проговорил Федор Михай-

лович, – я уже поставил в известность... наших общих знакомых. Убийцу второй день ищут по всей Москве – все выезды из города перекрыты. Так что... работа идет.

Рука Николая Николаевича сползла с телефонной трубки. Несколько минут он сидел неподвижно, потом замотал головой и снова поднял глаза на Федора Михайловича.

– Теперь, как я полагаю, – заговорил Николай Николаевич, – дела, которыми занимался Ковалев, перейдут в ваше ведение. Как вы отнесетесь к моему предложению.

– Всегда готов, – ответил Федор Михайлович, почтительно склонив голову.

– И вот вам первое задание, – сказал Николай Николаевич, – в Москве работает такой бизнесмен – Яков Семенович...

– Я понял, Николай Николаевич, – мягко перебил Федор Михайлович, – к счастью, Ковалев незадолго до своей трагической гибели обращался ко мне – просил помочь с этим делом – и, конечно, посвятил во все тонкости. Все материалы, которые он собрал, он передал мне. Ну и я накопал кое-что...

Федор Михайлович извлек из дипломата объемистую черную папку и положил ее на стол перед хозяином кабинета.

– Скажу вам сразу, – понизив голос, проговорил он, – этот ваш новый деловой партнер – Яков Семенович – очень достойный человек. Очень. Ну, вы сами все поймете, когда ознакомитесь с материалами.

– Спасибо, – сказал Николай Николаевич, пододвинув папку ближе к себе. Искоса он глянул на часы.

От Федора Михайловича не ускользнул этот мимолетный взгляд. Он тотчас поднялся и, попрощавшись, направился к выходу из кабинета.

У самой двери он снова обернулся и прошептал:

– Горе-то какое... Горе!

И вышел.

* * *

Водворить Васику на кровать, как того и следовало ожидать, оказалось делом сложным. Да к тому же – неблагоприятным – очутившись на широкой постели, Васик замычал, взбил ногами белоснежные простыни и вместе с ними съехал на пол, где и успокоился, уютно свернувшись, словно сытая кошка на солнышке.

– Спит, – вздохнула Даша, – вот и славно. Нет, ну надо же так нажраться. Алкоголик наш Васик и все тут. И никакие китайские колдуны ему не помешают... потреблять спирто-содержащие вещества. Пойдем не будем ему мешать. Пусть проспится.

– Не скажи, – покачала я головой.

– Как это? – обернулась ко мне Даша.

Мы устроились в креслах – в мягко освещенном холле – друг напротив друга. Даша закурила и протянула мне пачку

сигарет и зажигалку.

– Что ты хотела сказать? – снова спросила она.

– Я хотела сказать, что не очень Васик был на пьяного похож, – проговорила я, – там, в баре.

– То есть – как это – не был похож на пьяного? – удивилась Даша. – А на кого он по-твоему был похож, когда его мотало из стороны в сторону... На трезвого?

– На трезвого тоже не похож, – согласилась я, – а ты помнишь, что нам говорил этот Михаил?

Даша задумалась, потом снова вздохнула.

– Да-да, – сказала она, – вспомнила! Он не видел, чтобы Васик хоть каплю спиртного вылил себе в глотку – нашего заговоренного друга каждый раз выворачивало. Да, – она вздохнула, – наркотики. Неужели, он снова начал употреблять наркотики?

– Скорее всего, – подхватила я, – Михаил наблюдал за ним и предположил, что Васик обдолбался каким-нибудь препаратом. Наркотики. Тем более, что склонность у него к этому делу есть. Помнишь, конечно, как мы его пытались отучить от кокаина? Тогда у нас получилось. С трудом, правда... Хорошо еще, что привычка Васика к кокаина не успела превратиться в привязанность. Нам повезло.

– Зато Васик быстро нашел, чем свой белый порошок заменить, – проворчала Даша, – начал пить как лошадь. И напиваться как свинья.

– А теперь вот... Когда ему нельзя пить...

– Да, – сказала Даша и мы надолго замолчали.

Курили.

Мне вдруг снова на ум пришла моя запертая-незапертая дверь. Может быть, это горничная приходила убираться, да и забыла закрыть за собой.

Впрочем, что здесь голову ломать. Нужно пойти и выяснить. Только осторожнее. С нами давно уже – с самого приезда в этот проклятый Китай происходит что-то странное и страшное. Либо – кошмарное стечение неблагоприятных обстоятельств, либо... кто-то очень хочет нам навредить. Последнее – более вероятно. Слишком много совпадений, чтобы все происходящее выглядело цепью случайностей. К тому же – как давным-давно убедилась я – случайных совпадений не бывает.

«Так кто же в таком случае нас с Дашей и Васиком преследует? – пришла мне на ум вполне резонная мысль, – этот человек, должно быть, здорово нас ненавидит, если устраивает такое... А есть лишь один человек на земле, который ненавидит меня, Дашу и Васика больше всего на свете. Имя ему – Захар. Мой заклятый враг – убийца моей сестры, кошмар моих снов, мой вечный противник».

– О чем ты думаешь? – спросила меня вдруг Даша.

Я подняла указательный палец, и Даша замолчала, чтобы не испугнуть мои мысли.

«Так-так, – рассуждала я, – если это Захар, то он должен находиться где-то рядом. По крайней мере – он должен нахо-

даться в Гонконге. Но чтобы это выяснить, мне понадобится максимальное напряжение моих экстрасенсорных способностей. Надеюсь, мой организм уже успел более или менее приспособиться с смене климатических и временных поясов. Сейчас я... Конечно, определить точное местонахождение Захара мне не удастся – но ощутить его присутствие – это вполне мне по силам. Если он, конечно, в Гонконге. А то, что Захар где-то неподалеку сейчас уже не вызывает у меня никаких сомнений. Кто еще может вредить двум слабым девушкам и одному парню, никому никогда серьезного вреда не причинившим?»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.